

Советский учитель

Наш первый декан

В книге о нашем институте, вышедшей в 1981 году, о Н.Н.Муравьеву уделено чуть более десяти строк. После объединения физического и математического отделений в физико-математический факультет, он был 1 октября 1932 года назначен деканом. "Как декан (он занимал эту должность до октября 1937 года) был строг, требователен, несколько замкнут, но, тем не менее, отлично знал всех студентов факультета, очень хорошо понимал их нужды и был по-своему близок к ним. Н.А.Муравьева на посту декана сменил доцент А.А.Смирнов". Так написано в книге, но ничего там не сказано о том, почему это вдруг, в самый разгар семестра, произошла смена деканов. А рассказать об этом стоит...

И в 1979 году, когда я начинал писать эту книгу, и сейчас, когда я знаю уже очень многое и о Муравьеве, и о его друзьях, передо мной — лежит тоненькое личное дело. Кто-то привел его в порядок в июле 1941 года. Папок не было, и документы вложены в номер "Комсомольской правды" за 8 июля. Интересный номер. На пресс-конференции зам. нач.Совинформбюро С.А.Лозовский

сообщил о колоссальных потерях германской армии, министр иностранных дел Иден заявил, что Англия никогда не пойдет на переговоры с Гитлером, в Киеве формируются отряды народного ополчения, на митинге в Горьком вспоминают о Козьме Минине...

Впрочем, к моему рассказу эта деталь имеет лишь косвенное отношение, порождая риторический вопрос — а не мог бы офицер Муравьев с его опытом гражданской и мировой и гражданской войны принести пользу Отечеству, останься он жив к жаркому лету 41-го года? Ведь 46 лет — возраст призывной!

Документов немного, но жизнь Н.Н.Муравьева по ним проследить можно. Родился в Орле, в семье рабочего-наборщика. Вместе с отцом и дядей переехал в Томск, думаю, что тут не обошлось без П.И.Макушина — в Томске развивалось издательское дело, а Муравьевы все были типографскими рабочими. Окончил в 1916 году реальное училище, сразу же был мобилизован в армию и вскоре окончил еще и школу прапорщиков. Воювал, дослужился до чина подпоручика (соответствует современному лейтенанту) и должности командира роты Мариинского пехотного полка.

В одной из анкет Муравьев пишет, что полк в составе армии Колчака в 1918 году воевал на Урале.

И опять не могу не сделать небольшого отступления. Не знаю, на каком именно участке фронта фронта Мариинский полк дрался с красными. Но вполне вероятно, что где-то под Красноуральском или Пермью рота Муравьева атаковала красногвардейский отряд Ф. Личурина, моего отца. Жизнь подбрасывает такие сюжеты, которых самый изобретательный романист не придумает...

После войны Николай Николаевич работал учителем математики в средних школах нашего города. В 1926 году, не прекращая работы, поступил в университет, окончил его и начал преподавание в высшей школе. Сначала это был Горный институт, а с 1932 года — работа на нашей кафедре кафедре. Работал в семинаре патриарха томских математиков Ф. Э. Молина, на 1939 год планировалась защита диссертации.

Еще одно отступление. Проф. Ф. Э. Молин был математиком удивительной эрудиции. Это позволяло ему руководить разноплановыми научными семинарами. Большая часть этих семинаров работала в ТГУ, но вот семинар по дифференциаль-

ным уравнениям функционировал в пединституте
— Федор Эдуардович ревностно следил за ростом
квалификации сотрудников созданной им кафедры
математики.

Студенты — я встречался с некоторыми из них
— утверждали, что требоваелен Муравьев был
до педантизма, мог выгнать с экзамена полгруп-
пы, но лекции у него были безупречны, а читал
он чуть ли не всё — высшую геометрию, матема-
тический анализ, теорию вероятностей.

Обыкновенная биография обыкновенного хоро-
шего вузовского педагога. Ничего больше из
"Дела" не вычитаешь, хотя одна странная бумаж-
ка без подписи и даты наводит на мрачные мыс-
ли. Подшита она сразу же за представлением в
ВАК на звание доцента. В представлении под-
черкивается самостоятельность педагога, его ма-
тематическая культура, авторитет среди студенче-
чества, эрудиция, общественная работа. В бу-
мажке — все то же, но только со словом "не":
напряжения в работе не проявляет, на собраниях
не выступает и т.д. И карандашом для пущей
убедительности добавлено: "Активного участия
в политических кампаниях не принимает. Методо-
логией предмета не владеет". Боюсь, что сочи-

нитель знал то, чего не знал никто в институте, до недавнего времени не знал я, не знал этого и сам Н.Н.Муравьев.

Он, бывший подручник Н.Муравьев, готовил вооруженное восстание против Советской власти (статья 58-2 УК РСФСР), вел пропаганду и агитацию против этой власти (статья 58-10 того же кодекса), участвовал в организованной антисоветской деятельности (ст. 58-11), входя в кадетско-монархическую контрреволюционную повстанческую организацию. В нее входило еще немало народа, включая поэта Николая Клюева и его друзей, нашего зав. кафедрой А.Е.Миловидова (о нем мы расскажем в одном из ближайших номеров нашей газеты), ученых, священников, рабочих, крестьян, служащих. Впрочем, они сами о своей антисоветской деятельности тоже не знали до ареста.

Твердо знали об этом начальник Томского горотдела НКВД капитан Овчинников, начальник 3-го отделения лейтенант Великанов и их подручные. Они же и выдумали эту организацию, чтобы оправдать свое усердие и подтвердить созданную вождем народов теорию усиления классовой борьбы по мере нашего движения к

к социализму.

В ночь на 27 сентября 1937 года декан ФМО ТТТИ доцент Н.Н.Муравьев был арестован у себя дома, по ул. Дзержинского 23, кв. 1.

Мне остается процитировать документ, выданный Управлением КГБ по Томской области обществу "Мемориал": "8 октября 1937 года "тройкой" НКВД по Новосибирской области Н.Н.Муравьев приговорен к высшей мере наказания - расстрелу. Приговор приведен в исполнение 15 октября 1937 г. в г. Томске".

В сентябре 1958 года решение "тройки" отменено, Николай Николаевич Муравьев реабилитирован посмертно.

Где-то на Каштаке зарыт - слово "похоронен" тут явно не подходит - наш первый декан, зарыт вместе с тысячами, а, может быть, и десятками тысяч таких же, как и он. Говорят, что могут там быть и колчаковцы, расстрелянные красными, могут быть и жертвы тифа, могут быть и уголовники. Все может быть, только все равно это наши граждане, и к их могилам мы обязаны относиться по законам милосердия и человечности, чтобы не уподобиться зверям.

Л.Пичурин, член Совета "Мемориала"